

В.Ф. Куликова

Отступление шведской армии после Полтавского сражения глазами иностранцев – участников событий

Ключевые слова: Мазепа, мазепинцы, Карл XII, Переволочная.

Key words: Mazepa, mazepintsy, Charles XII, Perevolochna.

Интерес к Северной войне в дипломатических кругах Европы возник в самом ее начале и неуклонно рос по мере развития событий в непредсказуемом для европейцев русле. На политической арене противостояли два абсолютно различных по своей значимости и международному авторитету государства: Швеция – безусловный европейский лидер, и Россия, лишь недавно заявившая о своем намерении войти в число ведущих держав. Рано возникшая интрига и политическая целесообразность вызвали много публикаций как в русском, так и в шведском лагере. Одним из наиболее освещаемых событий стал «украинский поход» Карла XII 1708–1709 гг., завершившийся для шведов полтавской катастрофой.

Первые шведские публикации о действиях Карла XII на Украине появились в конце второго десятилетия XVIII в., что совпало с началом возвращения из русского плена на родину шведских солдат. В Европе того времени ведение записок и дневников не было редкостью. Благодаря этой традиции мы располагаем обширным кругом дневниковых записей шведских военнослужащих, называемых в исторической литературе каролинцами. Особую ценность для нас представляют записки капеллана Г. Нордберга [1], дневники шведского историографа Г. Адлерфельда [2], генерал-квартирмейстера А. Юлленкрука, подполковника фон Д.Н. Силтмана, лейтенанта Ф.Х. фон Вейе, лейтенанта К. де Турвиля, прапорщика Г.А. Пипера.

Но любое исследование о положении шведской армии на Украине в 1709 г. не может претендовать на полноту и объективность без привлечения славянских свидетельств – записок краковского каштеляна Ст. Понятовского и дневника суперинтенданта евангелической церкви Словакии Д. Крмана [3]. Дневник Д. Крмана в полном объеме был издан недавно, и содержащуюся в этом источнике информацию историкам еще предстоит оценить.

События, разыгравшиеся летом 1709 г. под Полтавой, в отечественной и шведской историографии представлены достаточно полно [4, с. 112–121; 5]. Но остается еще немало эпизодов, нуждающихся в дополнительном изучении. Один из них, несомненно, вызывающий интерес, связан с отступлением швед-

ской армии, мазепинцев и запорожцев от Полтавы к Переволочной, а затем – к Очакову и Бендерам.

Попытки проследить маршрут отступления шведской армии предпринимались в середине – конце XIX в. В.К. Лагусом [6] и Д.И. Яворницким [7]. Об этих событиях упоминали Н.И. Костомаров [8, с. 409–734], Д.Н. Бантыш-Каменский [9] и Ф.М. Уманец [10], опираясь в основном на сведения Г. Нордберга и Г. Адлерфельда. Небольшие фрагменты дневников шведских солдат включены в работы С. Томашевского [11, с. 66–92] и В.Е. Шутоя [12; 13, с. 93–111], но тематика их работ не предполагала анализа ситуации в шведском лагере после полтавского поражения.

Когда поражение шведов стало очевидным, в шведском лагере возникло беспокойство за судьбу короля: на завершающем этапе сражения Карл XII находился на правом фланге своей армии, где шли самые ожесточенные бои. Со слов лейтенанта Ф. Вейе, «когда на месте боя развеялись порох и дым, стало видно, что король со своим маленьким отрядом – один из последних, остававшихся на поле». Ст. Понятовский, находившийся все это время при Карле XII, сообщает численность отряда – 60 драбантов, к которым затем присоединился эскадрон полковника Горна. Р. Петре отмечает, что отступление происходило двумя потоками: через Будищинский лес и редуты противника [17, с. 269]. «Карл и немногие находившиеся при нем шведы – продолжает Ф. Вейе, – попали бы в плен к русским пехотинцам, которые стояли у села, но увидев капрала драбантов Альбедия, посланного вперед на разведку, русские пушечными выстрелами дали о себе знать» [14, с. 224]. Король не внял предостережению полковника Вангергейма об опасности и настоял на продолжении движения. В итоге его отряд оказался между лесом и русским батальоном, прозвучал залп из орудий и ружей, вызвавший гибель множества шведов. По словам современного шведского историка П. Энглунда «отступление небольшого отряда превратилось в натуральную бойню. Людей около носилок отстреливали целыми партиями» [18, с. 127]. Потери королевского конвоя можно уточнить по воспоминаниям Р. Петре. «Погибло очень много придворных, – пишет он, – более 20 драбантов, почти все лейб-гвардейцы пешего полка и 80 кавалеристов Северо-сконского полка. Многие попали в плен» [17, с. 269]. Лошадь под Карлом была сразу убита, едва он на нее сел. Свою лошадь королю отдал бригадир

драбантов Гиерта. Далее Ф. Вейе рассказывает как Карл, едва успев сесть на коня, скрылся от русских по ту сторону леса, где собрались остатки шведской пехоты и конницы. Они-то и провели его к шведскому обозу. По пути следования Ст. Понятовский присоединял к королевскому конвою группы солдат, оставшихся без командиров [19, с. 42].

Очень неместно отзывается Ф. Вейе об украинских казаках: «Что касается казаков гетмана Мазепы, то я не думаю, чтобы из них за время боя погибли больше, чем трое, так как пока мы сражались, они оставались сзади, а когда пришлось бежать, то они были далеко впереди. Но они сделали нам одну услугу, а именно показали нам путь к обозу» [14, с. 234].

Добравшиеся до обоза беглецы посеяли панику среди его охраны и обитателей, которая усиливалась нападением иррегулярной конницы калмыков и донских казаков. Но в шведской армии оставались еще боеспособные части, не участвовавшие в сражении. О них упоминает Д. Крман, но более точные сведения приводит Ф. Вейе: «... в некоторых местах вниз по правому берегу Ворсклы стояли отдельные отряды. Так, около Новых Санжар стоял полк генерал-майора Мейерфельда (1 тыс. человек), в Беликах – отряд подполковника Функа, а в Кобеляках находился отряд в 300 человек подполковника Сильверфельма». Не пережили шока от разгрома и те шведские солдаты, которые находились в окопах у Полтавы [14, с. 222].

Шведские источники не позволяют сделать однозначный вывод относительно масштаба паники в армии и в лагере. Душевное состояние покинувших поле боя шведских солдат описывает К. де Турвиль, чьи воспоминания о походе Карла XII в Россию до сих пор не введены в научный оборот: «Меня ослепило отчаяние, и в этой душевной отстраненности в течение нескольких часов я чувствовал себя так, что не помнил, ни кто был победителем, ни кто – побежденным» [20]. Достаточно ярко о настроениях в обозе и среди прибывавших пишет Д. Крман [3, с. 97] и прапорщик Г.А. Пипер: «Нас очень тревожила неизвестная участь короля, наконец, в 5 часов вечера мы его увидели: он медленно ехал верхом, с поднятой на седло ногою, на которой повязка была распущена» [15, с. 138]. Из дневника Д. Крмана явствует, что Карл прибыл к обозу около двух часов дня [3, с. 97]. После его прибытия разрозненные отряды разбитой армии и отдельные беглецы продолжали скапливаться в обозе. Де Турвиль был в их числе [20, с. 129]. Особую радость испытали в лагере после прибытия Левенгаупта с остатками войск, не пострадавших в сражении. Это были части, состоявшие из поляков, казаков и шведской кавалерии.

У Ст. Понятовского находим информацию о совете, где решался вопрос о маршруте отступления. Рассматривались три варианта, но только два из них к тому времени были осуществимы – уходить в Крым либо

в Турцию. На бегстве в турецкие владения настаивал И. Мазепа: этот путь занимал всего лишь четыре дня, а из Турции можно было поддерживать связь с королем Польши Лещинским и корпусом Красау. Понятовский замечает, что в обозе «было много москвитов и казаков, которые сдались королю добровольно и укрылись под его покровительством от тирании царя» [19, с. 38]. Их предполагалось отвести в Крым и отдать под покровительство хана.

Разработав план, шведы отозвали все посты вокруг Полтавы и стали активно готовиться к отступлению, которое началось в семь часов вечера. Его организация была возложена на А. Юлленкрука. «Спереди шла артиллерия под защитой сорока восьми гвардейцев, – пишет Ф. Вейе, – но приказ об уничтожении обоза еще не был дан и кто мог что-то забрать с собой, тот так и сделал». Арьергард вел генерал-майор Крейтц с кавалерией и небольшим отрядом пехоты, еще бодрым и боеспособным [14, с. 224]. О ходе отступления подробно рассказывает Д. Крман: «Карл срочно приказал отвести все обозы к Днепру, с которыми тронулись и мы. Лагерь беглецов замыкал король с отрядом всадников, подошедших из леса, где они ранее укрывались». Он же пишет, что с целью маскировки отступление началось лишь на закате, и к Новым Санжарам шведы добрались лишь глубокой ночью [3, с. 98]. Поскольку Д. Крман постоянно следовал в колонне, у нас нет основания не доверять его рассказу об организованном, а не беспорядочном и паническом бегстве шведской армии. Подтверждение этому можно найти и у К. де Турвиля [20, с. 129]. Иную оценку дает лейтенант Г.А. Пипер: «Если бы тогда неприятель преследовал нас, то и король, и остальная часть армии непременно погибли бы, потому, что никто не слушался и всякий шел куда вздумается – только бы обогнать других» [15, с. 138]. В. Лагус, опираясь на свидетельства подполковника Д.Н. фон Силтмана, вторит Г.А. Пиперу: «Вся дорога покрыта была шведскими возами, телегами, орудиями, равно как мертвыми и ранеными, павшими в битве и которых товарищи не успели взять с собою» [6, с. 6]. Из других источников известно, что с обозами действительно возникла проблема: в темноте они сталкивались, сбивались со своего ряда (возницам хотелось двигаться быстрее), да и количество их было слишком велико для быстрых передвижений. По совету Левенгаупта часть повозок на следующей же стоянке была сожжены, а имущество, в первую очередь имущество погибших, было брошено. В дневнике Г. Адлерфельда находим сведения о предоставлении кареты раненному Карлу XII бароном фон Силтманом. Его попутчиком назван И. Мазепа, но в других дневниках этот факт отсутствует. Д. Крман восхищается самообладанием короля, позволившим ему трезво оценить ситуацию и прибегнуть к хитрости: к Петру I с предложением начать переговоры был послан генерал-майор Мейерфельд, но исключительно для того, чтобы выиграть время [3, с. 97].

Отступавшие остатки шведской армии спешили к устью Ворсклы, туда, где река впадает в Днепр. Если верить Ст. Понятовскому, этот путь был выбран Мазепой [19, с. 38].

Из письма А.Д. Меншикова к супруге и из его же донесения Петру узнаем, что у Кобыляк произошло столкновение между шведами и преследовавшей их русской конницей. Шведы оказали сопротивление, которое тут же было сломлено [21]. Сведения о бое мы находим в записках Г. Адлерфельда и Ф. Вейе [14, с. 225]. Д. Крман говорит о Санжарах как месте ночлега, но о стычке между шведами и русскими ничего не пишет [3, с. 102]. Возможно, он не был ее свидетелем, поскольку в бою, вероятнее всего, участвовал лишь арьергард отступавшей шведской армии. У Г.А. Пипера, К. де Турвиля и Ст. Понятовского информация о столкновении войск также отсутствует.

Трудности перехода усугублялись незнанием местности. Опираясь на свидетельство Д.Н. Силтмана, Вольтер пишет, что спутники Карла XII и сам король вечером после отъезда из Кобыляк сбились с дороги и заблудились в лесу [22, с. 133], что касается Г. Нордберга, то факт этот он просто отрицает. Подтвердить или опровергнуть эти сведения на основании дневника Д. Крмана, воспоминаний Ст. Понятовского и К. де Турвиля не представляется возможным. Д. Крман вспоминает лишь ночь, проведенную под открытым небом, после чего 30 июня (10 июля) они подошли к Переволочной [3, с. 103]. Отсутствие в дневнике Д. Крмана сведений о блуждании шведского короля и свиты в лесу можно объяснить тем, что он не был посвящен в подробности плана отступления и в возникшей сумятице не увидел ничего необычного.

29–30 июня беглецы начали подтягиваться к Переволочной и искать возможность переправиться на другой берег. Отступавшие, оказавшись на берегу, столкнулись с существенной проблемой: все средства переправы и жилые постройки к тому времени были сожжены русскими. Этот факт отмечается во многих источниках и не требует отдельного доказательства. Генерал-лейтенант А. Юлленкрук, посланный с небольшим отрядом вперед с заданием навести мосты через Днепр, так и не смог найти нужный материал и был вынужден отправить к королю посольных с предложением переправляться через Ворсклу у Кишеньки и далее следовать в Крым. Но в обстановке нарастающей паники они даже не были допущены к Карлу XII. Панические настроения подогревались шедшими в трех верстах параллельно обозу конными русскими подразделениями.

Опасавшийся за свою жизнь И. Мазепа и его окружение начали переправу через Днепр вечером 29 июня, не дожидаясь короля. Косвенное подтверждение этому находим в дневнике Д. Крмана: «Мы опасались не только дырвых чаек, но и казаков, сновавших на

другом берегу. Мы боялись прибыть к ним первыми» [3, с. 103]. Читателя путевого дневника Д. Крмана должно привлечь отсутствие каких-либо упоминаний о Мазепе с вечера 27 июня (8 июля) до 30 июня (10 июля), когда беглецы вышли к Переволочной. Д. Крман двигался к Днепру в колонне с королем и не был непосредственным свидетелем переправы украинского гетмана.

О средствах переправы через Днепр довольно подробно пишет Ф. Вейе: «Стояла там (в Переволочной) только одна старая церковь, ее и разобрали люди Сильвергельма. Но когда бруссы стали сплавлять против течения к удобному для переправы месту, веревки порвались и сильным течением бруссы унесло». Только вечером искавшим по берегу запорожцам удалось найти несколько лодок [14, с. 225]. Д. Крман подчеркивает активность казаков в поиске средств переправы. Он признает, что многие из тех, кто в дальнейшем последовал за Карлом XII в турецкие владения, были доставлены на противоположный берег именно благодаря их стараниям, решительности и отваге [3, с. 105]. Это подтверждает Ф. Вейе, [14, с. 225]. Отряду А. Юлленкрука удалось обнаружить несколько паромов, на одном из которых, если верить Д. Крману, вечером 30 июня перевезли на правый берег короля со свитой [3, с. 104]. Р. Петре сообщает, что с разрешения короля на правый берег Днепра перебрались четыре роты Южно-Сконского рейтарского полка во главе с Сильвергельмом, корпус лейб-драбантов, лейб-драгунский полк и несколько сот солдат Седерманландского пехотного полка. Кроме того, была перевезена часть придворного штата Карла XII – всего около 1300 человек [17, с. 293]. По другим сведениям, количество переправившихся колеблется от 1200 до 2000 шведов и столько же казаков [3, с. 108; 20, с. 130]. Ф. Вейе приводит поименный список командного состава. Среди них: польский генерал Ст. Понятовский, гетман Мазепа и еще 23 офицера, 80 драбантов, 820 солдат и 6 персон из состава королевской канцелярии. Затем переправа стала стихийной, каждый спасался как мог – вплавь, на колесах от телег, на утлых плотках, сооруженных из разбитых повозок [14, с. 225]. Всю глубину трагедии, разыгравшейся на переправе через Днепр, доносит до нас дневник Д. Крмана: «Ужасная драма разыгралась тогда, когда многие из тех, кто жаждал спасения, вынуждены были все свои вещи, кроме денег, сжечь, утопить в реке или бросить». Чтобы переправиться, некоторым пришлось отдать почти все свои средства [3, с. 106]. Д.И. Яворницкий пришел к выводу, что переправа проходила в двух местах – у Переволочной, где на правом берегу Днепра рос в то время так необходимый беглецам лес, и в трех верстах западнее, у деревни Тахтаево, где река сужалась.

Наиболее вероятным местом пристани беглецов к правому берегу Днепра краевед В. Лагус считал

каменный мыс Мишурин Рог, единственно удобное среди болотистой и вязкой почвы [6, с. 10]. Д. Крман не приводит подробного описания местности, где ему со своими спутниками посчастливилось выйти на берег. Он лишь упоминает обрывистый берег и вязкий грунт: «На круче над рекой мы более двух часов сушили на солнце свою мокрую одежду, бумаги и другие вещи». Мазепы и Карла XII здесь уже не было; только глубокой ночью уходящий в степь небольшой шведский отряд, в составе которого двигался и словацкий пастор, соединился с королем [3, с. 109].

Движение через степь описывается в дневниках Д. Крмана, Ст. Понятовского, Й. Крафорда, К. де Турвиля и Г. Адлерфельда. Все они свидетельствуют о невыносимых условиях перехода, но более ёмко их характеризует де Турвиль: «Неизвестности переходов, голод, жажда, жара днем и холод ночью предвещали почти определенную смерть тому несчастному отряду. Нам не попадались ни деревни, ни дома, ни шалаши, ни деревья, ни какие-либо плоды. Не было видно ни дорог, ни тропинок, ни следов людей» [20, с. 130].

Украинские казаки отступали вместе со шведской армией. Недоверие и открытая вражда между шведами и казаками сохранялась большую часть пути. Опасения были обоснованы. После переправы остатков армии короля через Днепр (30 июня) казаки продали туркам до 400 каролинцев [23, л. 430], а затем, 11 июля, на стоянке под Очаковом собирались выдать русским И. Мазепу. Усмирение казаков и спасение Мазепы граф Понятовский приписывает себе [19, с. 39]. Д. Крман отмечает, что при любом удобном случае казаки обкрадывали шведских солдат, отбирали у них вещи, а оставших от колонны иногда убивали [3, с. 111].

На подходе к Бугу Ст. Понятовский был отправлен к очаковскому паше для переговоров о переправе. Нам достоверно не известно, когда это произошло, но сам граф говорит о четвертом дне пути. Об этой поездке упоминает и Д. Крман [3, с. 113]. Томительное и тревожное ожидание было скрашено возможностью утолить голод – первый раз после нескольких дней пути. Шведы и казаки покупали продукты у переправлявшихся на лодках турок, причем К. де Турвиль служил переводчиком при совершении подобного рода сделок. Он один хорошо владел турецким языком и по этой причине скоро был послан к очаковскому паше вторично с просьбой ускорить переправу [20, с. 131]. Однако в дневнике Д. Крмана и в других источниках подтверждения этих фактов мы не находим.

Большинство авторов дневников отмечают, что русские войска появились у переправы через Буг, когда она не была еще полностью завершена. Й. Крафорд пишет, что русские не стали нападать днем, а ушли под гору и ударили только вечером [24, с. 109]. Расхождения в описании последовавших далее событий касаются только численности попавших в плен шведов и казаков: Й. Крафорд говорит о 300 человек, Ст. Понятовский – о 400, К. де Турвиль свидетельствует о более чем 500 плененных [20, с. 131]. В. Лагус в число шведских потерь включил 500 плененных и 300 утонувших [6, с. 16]. К. де Турвиль вообще убежден, что после атаки русских спастись удалось только казакам [20, с. 131]. Д. Крман говорит, что немногим украинским казакам и отдельным шведам удалось укрыться в камышах. Некоторые из них, измученные и истощенные, добрались позже до Бендер [3, с. 118]. Те же, что переправились, могли вздохнуть с облегчением – для царя Петра они были недосыгаемы.

Библиографический список

1. Nordberg, G.A. Koning Karl XII: Historia / G.A. Nordberg. – Stockholm, 1740.
2. Adlerfeld, G. The Militari History of Charles XII, King of Sweden / G. Adlerfeld. – L., 1740.
3. Крман, Д. Подорожній щоденник / Д. Крман. – Київ, 1999.
4. Артамонов, В.А. Осада Полтавы в 1709 году (по шведским источникам) / В.А. Артамонов // Вопросы истории. – 2004. – № 11.
5. Беспалов, А.В. Сподвижники Карла XII / А.В. Беспалов. – М., 2003.
6. Лагус, В. Карл XII в Южной России / В. Лагус. – Одесса, 1852.
7. Яворницкий, Д.И. История запорожских казаков : в 3 т. / Д.И. Яворницкий. – Киев, 1991.
8. Костомаров, Н.И. Руина; Мазепа; Мазепинцы. Исторические монографии и исследования / Н.И. Костомаров. – М., 1995.
9. Бантыш-Каменский, Д. История Малой России: в 3 ч. / Д. Бантыш-Каменский. – СПб., 1903.
10. Уманец, Ф.М. Гетман Мазепа / Ф.М. Уманец. – СПб., 1897.
11. Томашівський, С. Из записок каролинців про 1708–1709 рр. / С. Томашівський. – Львів, 1909.
12. Шутой, В.Е. Борьба народных масс против нашествия армии Карла XII, 1700-1709 / В.Е. Шутой. – М., 1968.
13. Шутой, В.Е. Малоизвестный источник по истории Северной войны / В.Е. Шутой // Вопросы истории. – 1976. – № 12.
14. Кордт, В. Бої під Лісним і під Полтавою з щоденника шведського лейтнанта Вейе. Кн. XXVI / В. Кордт // Записки историко-філологічного відділу Всеукраїнської АН. – Київ, 1931.
15. Пипер, Г.А. Из записок Густава Пипера впоследствии генерал-майора и губернатора // Грот Я.К. Труды. – СПб., 1901. – Т. 4.
16. Гилленкрок, А. Сказание о выступлении его величества короля Карла XII из Саксонии и о том, что во время похода к Полтаве, при осаде её и после случилось / А. Гилленкрок // Военный журнал. – 1849. – № 6.

17. Petre, R. Fänrik Robert Petres dagbok 1702–1709 / R. Petre. – Lund, 1907.
18. Энглунд, П. Полтава: Рассказ о гибели одной армии / П. Энглунд. – М., 1995.
19. Понятовский, С. Записки или рассказ мазовецкого воеводы о событиях его жизни / С. Понятовский // Журнал императорского русского военно-исторического общества. – СПб., 1910. – Кн. 2. Ч. 4; Кн. 4. Ч. 5.
20. Турвиль, Константен де. Воспоминания Константена де Турвиля о походе Карла XII на Украину / Константен де Турвиль // Вопросы истории.–1980.- № 3.
21. РГАДА. – Ф. 198. – Д. 1170.
22. Вольтер. История Карла XII, короля Швеции и Петра Великого, императора России / Вольтер. – СПб., 1999.
23. РГАДА. – Ф. 17. – Оп. 1. – Д. 91.
24. Faltvabeln, J.J. Crafoords anteckningar. 1702-1722 / J.J. Faltvabeln. – Lund, 1907.